

Право голоса: женская речь в произведениях Фридриха Горенштейна и Шолом-Алейхема

Елена Витальевна Сидорова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия

Магистрант

ORCID ID: 0000-0002-0857-4071

департамент филологии

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

190069, Россия, Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб.,
д. 119-121, 123

Тел.: +7 (812) 644-59-11

E-mail: evsidorova_4@edu.hse.ru

DOI: 10.31168/2658-3380.2021.21.2.3

Аннотация: Статья посвящена особенностям женской речи в драме Фридриха Горенштейна «Бердичев». Горенштейн – один из немногих писателей последней трети XX в., чья проза глубоко укоренена в еврейском быте и языке. Его пьеса «Бердичев» – образцовый пример слияния двух языков – русского и идиша. Драма построена на подробностях биографии писателя, полна фотографически точных деталей быта и персонажей. В «Бердичеве» за личными воспоминаниями и наблюдениями скрывается цитирование, полемика, согласие или спор с другими авторами, которые были значимы для Горенштейна. Для создания драмы о жизни в самом еврейском городе писателю было нужно подчеркнуть свою национальную идентичность. Выбор Шолом-Алейхема в качестве «еврейского источника» очевиден. Его переводы на русский язык были практически единственными, доступными для публики. Проза Шолом-Алейхема дала представление о пестрой жизни еврейского местечка, красочного языка его обитателей. В «Бердичеве» можно найти немало параллелей с произведениями классика: с автобиографическим романом «С ярмарки» (1916), рассказами «Новая Касриловка» (1901) и «Горшок» (1902). Помимо интертекстуальных связей и идентичных литературных характеров, у обоих писателей совпадает основная идея произведений.

Ключевые слова: *Горенштейн, Шолом-Алейхем, речь, интертекстуальность, Бердичев*

Когда говорят: Бердичев,
все равно что говорят: еврей.

Фридрих Горенштейн. «Бердичев»

Фридрих Горенштейн – один из немногих русских писателей последней трети XX в., чья проза глубоко укоренена в еврейском быте и языке. Его драма «Бердичев» (1975, опубликована в 1992) – образцовый пример слияния двух языков – русского и идиша. Сам автор определил это произведение как драму в трех действиях, восьми картинах, девяноста двух скандалах, целиком построенную на его личных воспоминаниях [Горенштейн 2007, 5].

Фридрих Наумович Горенштейн (1932–2002) родился в Киеве в интеллигентной семье, его отец был профессором марксистской политэкономии, а мать, по образованию педагог, – директором интерната для трудновоспитуемых подростков [Векслер 2020, 274]. В раннем возрасте он стал сиротой вследствие Большого террора и Великой Отечественной войны. Из воспоминаний писателя известно, что отца, Наума Исаевича Горенштейна, расстреляли в 1937 г. В 1943 г., возвращаясь из эвакуации, мать писателя, Энна Абрамовна Прилуцкая, заболела и скончалась в поезде. Мальчик попал в детский дом на Украине. Там его отыскали тети из Бердичева – Рахиль и Злата Прилуцкие. Они и стали центральными фигурами пьесы. По воспоминаниям писателя, к тетушкам он попал в начале 1945 г.

Действие пьесы начинается летом 1945 г. и происходит в разные годы на протяжении тридцати лет, заканчиваясь в середине 1970-х гг.

Сюжет построен вокруг жизни двух сестер Рахили и Злоты Луцких. Героини – практически полные тезки родных тетушек Горенштейна, отличается только фамилия. В пьесе они носят фамилию Луцкие, а в жизни – Прилуцкие. Сходство фамилий при сохранении имен собственных подчеркивает автобиографичность этого произведения.

Рахиль Луцкая – крепкая женщина-скандалистка с боевым характером и трудной судьбой. Ее муж ушел добровольцем на фронт и погиб под Харьковом, а она осталась с дочками

Рузей и Люсей. Ее старшая сестра Злота, старая дева, зарабатывает на жизнь шитьем, что рискованно, так как она не зарегистрирована как кустарь-надомник. Рахиль – глава матриархальной семьи. Горенштейн строит сюжет вокруг Рахили, которая и есть олицетворение Бердичева.

В пьесе «Бердичев» речь идет о традиционном быте еврейской семьи в провинциальном городе с поправкой на советские реалии. Бытописание провинциального города или местечка восходит к классикам еврейской литературы. Местечку посвящены работы классиков литературы на идише – Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема. На страницах их произведений не бывает тихо: герои по-театральному экспрессивны, говорят на повышенных тонах, причитают и проклинают. Именно традиция Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема отзывается в пьесе Фридриха Горенштейна.

Самым популярным классиком еврейской литературы был Шолом-Алейхем. Еще при жизни писателя, в 1910 г., вышло первое издание его сочинений на русском языке, а в 1960–1980 гг. трижды переиздавалось шеститомное собрание сочинений в русских переводах [Френкель 2012]. Менделе Мойхер-Сфорим был переведен гораздо менее репрезентативно, выходил меньшим числом изданий и меньшими тиражами. По сути, переводы произведений Шолом-Алейхема на русский язык были едва ли не единственным доступным для Фридриха Горенштейна источником представлений о том, как надо писать о местечковых евреях. Нет сомнений в том, что Горенштейн читал Шолом-Алейхема. Писатель дважды упоминает его имя на страницах своих произведений. В романе «Место» говорится о том, что один из персонажей похож на главного героя «Мальчика Мотла» [Горенштейн 1991, 350]. А в повести «Маленький фруктовый садик» (1987) Шолом-Алейхем упомянут в контексте спора диссидента Паши с другом юности Володей:

Шолохов чужую книгу украл... и фамилия у него не Шолохов, а Шолох... Что-то наподобие Шолох-Алейхема [Горенштейн 2007, 285].

Создавая образ «железной» Рахили Луцкой, Фридрих Горенштейн явно ориентировался на родную тетю. Двоюродная сестра писателя Ленина Ароновна Хаимзон, прототип одного из персонажей пьесы, подтвердила, что образ героини пьесы и ее речь гиперболизированы в соответствии с писательским замыслом:

[Образ Вашей мамы в пьесе – это литературное преувеличение или он все-таки приближен к реальности?] Он немножко приближен к реальности, сгустил краски... но мама должна была быть такой... Она не могла сюсюкаться. Все, что надо, она обязательно скажет [ЛАА: Хаимзон].

Юрий Векслер, автор нескольких книг о писателе, в разговоре со мной упомянул, что Горенштейн считал речь своих героинь в «Бердичеве» «произведением искусства, помещенным в произведение искусства» [ЛАА: Векслер]. Из всех произведений Горенштейна драма для чтения «Бердичев» в наибольшей степени следует традициям Шолом-Алейхема. Преемственность прослеживается в речевых характеристиках женских персонажей этих писателей.

Шолом-Алейхем дал право голоса наиболее уязвимым членам традиционного еврейского общества – женщинам из беднейшего сословия. У героинь классика еврейской литературы, а впоследствии и Фридриха Горенштейна формами самовыражения нередко были проклятия и другие элементы народной вербальной культуры. Героини произведений Шолом-Алейхема – малограмотные жительницы еврейского местечка, которые озабочены только тем, как прокормить своих детей и себя. У героинь, не умеющих читать и писать, остается только устное слово, ставшее для них единственным орудием самообороны и нападения. Например, в рассказе «Горшок» из цикла «Монологи» (1901–1916) произносимые героиней проклятия наделены апотропейным эффектом и способны нанести физический вред [Safran 2012, 114].

В литературе на идише именно с Шолом-Алейхема началась традиция представления евреев как народа устного слова [Roskies 2014, 242]. Лучшие произведения писателя тесно

связаны с жанром монолога, где речь героя становится важнее сюжета. Эта особенность роднит классика еврейской литературы с Н.В. Гоголем, который был для него творческим ориентиром наравне с Менделе Мойхер-Сфоримом [Дымшиц 2019, 68].

Николай Гоголь и Шолом-Алейхем используют сходный тип повествования – сказ. Сказ – своеобразная литературно-художественная ориентация на монолог с элементами устной речи [Виноградов 1980, 49]. Борис Эйхенбаум выделил два рода комического сказа: повествующий и воспроизводящий. Повествующий сказ ограничивается шутками, смысловыми каламбурами и производит впечатление ровной речи [Эйхенбаум 1969, 306]. А воспроизводящий сказ ориентируется на приемы словесной мимики и жеста, изобретая особые комические артикуляции, звуковые каламбуры, прихотливые синтаксические расположения [Там же].

В прозе Горенштейна, так же как в произведениях Николая Гоголя и Шолом-Алейхема, присутствует именно воспроизводящий сказ, приобретающий характер словесной игры. Композиция определяется не простым сцеплением шуток, а продуманной системой разнообразных, но повторяющихся речевых характеристик.

...Основа гоголевского текста – сказ, текст его слагается из живых речевых представлений и речевых эмоций. Более того: сказ этот имеет тенденцию не просто повествовать, не просто говорить, но мимически и артикуляционно воспроизводить — слова и предложения выбираются и сцепляются не по принципу только логической речи, а больше по принципу речи выразительной, в которой особенная роль принадлежит артикуляции, мимике, звуковым жестам... [Эйхенбаум 1969, 309].

Весь рассказ Шолом-Алейхема «Горшок» — это монолог женщины, произносимый на одном дыхании и напоминающий поток сознания. Ента Куролапа пришла к раввину за советом, причем сначала трудно понять, по какому именно вопросу, так как она постоянно перепрыгивает с темы на тему, не давая возможности сказать собеседнику ни слова. Из ее

путанной речи можно уловить, что она вдова, оставшаяся с единственным сыном Давидкой на руках, сдает в своем доме комнаты квартирантам, с которыми иногда случаются конфликты, далее следуют рассуждения о здоровье сына, бульоне, заботах, невезении и горшках.

Речевая манера Енты Куролапы из «Горшка» основана на ассоциативных связях. Упоминание одного события вызывает ассоциацию с другим. Например, начиная говорить о здоровье сына, она вспоминает о том, как летом ее сыну Давидке вздумалось почитать книгу, которую мать выпросила в богатом доме, а заканчивает просьбой врача готовить ему каждый день бульон из четверти курицы. Новый абзац рассказа, вмещающий следующую тему монолога Енты, будет посвящен как раз приготовлению бульона. В основе монолога женщины лежит ассоциация по смежности, когда объекты соответствуют друг другу во времени или в пространстве [Выготский 1934, 263].

Монологи Рахили Луцкой, главной героини «Бердичева», строятся по тому же принципу, что и реплики Енты Куролапы. Длинная ассоциативная связь, направляющая речь Рахили, прекрасно представлена в диалоге с Вшиволдиной, заказчицей ее сестры Злоты. На реплику Вшиволдиной: «Не расстраивайтесь, у многих на войне погибли родные. Что ж сделаешь...» [Горенштейн 2007, 10] Рахиль начинает длинный монолог с трудной для понимания ассоциативной цепочкой. Сначала Рахиль вспоминает возвращение в Бердичев летом 1944 г. по вызову горкома партии, потом то, что во время немецкой оккупации молочница увезла ее мебель в село Быстрик, поэтому органы НКВД, где она работала завстоловой, выдали ей новую мебель, а теперь некий Бронфенмахер хочет использовать ее кухню, как черный ход, чтобы носить через кухню помои, и вообще его родители были спекулянтами и их раскулачили.

В «Монологам» Шолом-Алейхема речевыми паттернами, формирующими сказ, являются элементы устной народной культуры: проклятия, пословицы, идиоматические выражения и т. д. Речь «местечковых» персонажей можно обозначить термином «shprakh-folklor» или «лингвистический

фольклор», который ввел советский исследователь еврейской литературы Меер Винер [Roskies 2014, 231]. Под «лингвистическим фольклором» он подразумевал речь на идише, наполненную идиоматическими выражениями. В первую очередь лингвистический фольклор был главным инструментом сатирической критики. Еще в 1830-е гг. драматург-просветитель Шлойме Эттингер (ок. 1801–1856) в пьесе «Серкеле» разделил персонажей на злодеев, чья речь была наполнена элементами устной народной культуры, и положительных героев, которые говорили правильно, то есть по-немецки [Роскис 2010, 267]. Народная речь, по мнению Винера, являлась лингвистическим пережитком, потому что делала язык «невразумительным, замкнутым в себе, банальным языком пустого многословия» [Там же].

Если Меер Винер считал устный фольклор анахронизмом [Роскис 2010, 267], то другие литературоведы и писатели видели в обращении к нему творческую удачу Шолом-Алейхема. Рассказ «Горшок» был высоко оценен критиками и читающей публикой как раз благодаря речи героини. Все в первую очередь отмечали этнографическую точность монолога Енты Куролапы: писатель будто предвосхитил изобретение магнитофона, настолько речь его героини была естественной и непринужденной [Safran 2012, 116]. Также на примере этого рассказа Дан Мирон отмечает, что монолог героини лингвистически точен и соответствует идиоматическому идишу, на котором говорят на Украине [Miron 2000, 327].

Дэвид Роскис отметил, что «шутки и пословицы – это поэзия еврейской жизни, а женщины – их главный кладезь» [Roskies 2014, 243]. У Шолом-Алейхема именно женщины являются носителями «shprakh-folklor» – это героини «Монологов»: Ента Куролапа («Горшок»), Бася («Гуси») и Гита («Гита Пуришкевич»), мачеха из автобиографического романа «С ярмарки» и многие другие. В драме Фридриха Горенштейна «Бердичев» роль носительницы «shprakh-folklor» досталась Рахили Луцкой. Героини Шолом-Алейхема и Горенштейна – агрессивные, склочные и язвительные женщины, которые в сложившейся жизненной ситуации не могут быть иными. Отсутствие образования компенсируется вну-

тренним чутьем и постоянной готовностью дать отпор. Проклятия острой на язык главной героини пьесы принесли ей известность в родном Бердичеве. О ней говорят:

Луцкая, тебя все в городе знают как скандалистку [Горенштейн 2007, 24].

Характером и речью Рахиль Луцкая напоминает героинь Шолом-Алейхема — мачеху из автобиографического романа «С ярмарки» и вдову Енту Куролапу из рассказа «Горшок».

В романе «С ярмарки» Шолом-Алейхем вспоминает, что немалое количество проклятий и острых словечек для своих произведений он позаимствовал у мачехи, которая была родом как раз из Бердичева. Мачехе, а точнее ее лексикону, посвящена целая глава автобиографического романа «С ярмарки»:

Женщина эта своим видом внушала уважение, казалась неглупой, а главное – приветливой, ласковой, с добрым сердцем... Только позже, спустя неделю, она показала себя во всей силе своего бурного темперамента, во всем великолепии своего языка, языка бердичевской мачехи, с ее безостановочной богатой, цветистой речью [Шолом-Алейхем 1960, 426].

Писатель отмечает, что женщина к каждому слову могла подобрать проклятие, например:

Есть – ели б тебя черви! Пить – выпили бы тебя пивки! Кричать – кричать тебе от зубов! Шить – сшить бы вам саван! [Там же, 24].

Продолжать этот список можно долго. В «Бердичеве» Фридриха Горенштейна проклятия Рахили Луцкой строятся по такому же принципу: женщина цепляется за какое-нибудь слово из речи оппонента и строит свой ответ вокруг него [Ковальска-Пашт 2013, 580]. В споре с Бронфенмахером и его женой Бебой эта особенность наглядно представлена. (Далее в тексте все подчеркивания мои – *Е.С.*)

Бронфенмахер (Рахили). Луцкая, тебя все в городе знают как скандалистку, но советский закон тебе не позволят нарушать... Я старый чекист...

Рахиль. Чтоб тебе глаза вылезли, какой ты чекист. Ты гнилой спекулянт, и ты говоришь про советский закон. Ты хочешь носить через моя кухня помои. Мой муж убит на фронт...

Беба (высовывается из-за спины Бронфенмахера). Эйжа, но твой муж убит...

Рахиль (к Бебе). Она радуется, что мой муж убит... Темно и горько чтоб тебе стало, как мне сейчас.

Беба. Я тебе сейчас наплюю в лицо.

Рахиль. Кровью чтоб ты плевала... [Горенштейн 2007, 25].

Последняя реплика Рахили сконструирована совершенно по той же модели, которой пользовалась бердичевская мачеха маленького Шолома Рабиновича, будущего Шолом-Алейхема. Например: «Шить – Сшить бы вам саван!» и «Плевать – Кровью чтоб ты плевала» [Шолом-Алейхем 1960, 426].

Шолом-Алейхем пишет, что когда мачеха была в возбужденном состоянии, то она говорила без остановки, слова будто текли как масло, вертелись и вились на языке:

Чтоб тебя схватило, творец небесный, чтоб тебе и болячки, и колики, и ломота, и сухота, и чесотка, чтоб тебя кусало, и чесало, и трясло, и растрясло, и вытрясло, и перетрясло, боже милостивый, отец небесный, святой и милосердный! [Там же].

Для героини Фридриха Горенштейна также свойственно произносить проклятия на одном дыхании:

Рахиль. Чтоб тебя туда чиряки целовали... Нарывы чтоб тебя туда целовали... Чтоб ты опухла... Чтоб ты лежала и гнила... Немая и слепая чтоб ты стала... Болячка тебе в мозги... Чтоб тебе каждая косточка болела... [Горенштейн 2007, 25].

Слова — единственное оружие Рахили Капцан, как было уже сказано, с помощью которого она может защитить свою семью, что роднит ее с другой героиней Шолом-Алейхема,

Ентой Куролапой из рассказа «Горшок», тем более что диапазон проблем у Енты Куролапы из рассказа Шолом-Алейхема и Рахили Луцкой не слишком отличается. Речь Енты в прямом и переносном смысле может свести с ума, что и происходит с ее собеседником, раввином, теряющим в конце концов сознание. Слова героинь имеют магическую силу, они способны нанести физический вред адресатам. Например, в споре с семьей Бронхенмахеров последнее слово остается за Рахилью:

Рахиль. Вы через моя кухня помои не будете носить... На костылях вы ходить будете... Дерево должно упасть на вас и убить обоих или покалечить... Машина должна наехать и разрезать вас на кусочки... [Там же, 26].

И проклятие Рахили сбылось: на ее врагов действительно наехала машина, Беба погибла, а ее муж Бронхенмахер долгое время ходил на костылях.

В пьесе Фридриха Горенштейна «Бердичев», рассчитанной только на русского читателя и зрителя и написанной по-русски, действие происходит на русском, идише и их смеси, образующей языковой континуум. По мнению как самого писателя [Максимов 1996], так и литературных критиков [Лазарев 2008; Шубинский 2002], «Бердичев» – одно из лучших произведений Горенштейна. Такая высокая оценка во многом связана с тем, что писателю удалось сохранить и передать аутентичную речь своих героев, которые принадлежат к последнему поколению носителей языка. Шолом-Алейхем на страницах своих произведений дал право голоса женским персонажам, чьи образы и монологи в значительной степени сильнее мужских. Создавая речь и образ своей героини Рахили Луцкой, писатель ориентировался на Енту Куролапу из рассказа «Горшок» и мачеху из автобиографического романа «С ярмарки» Шолом-Алейхема. Особенность речевых характеристик также напрямую зависит от места действия событий в произведениях обоих писателей. Ведь в Бердичеве никогда не бывает тихо.

Источники

ЛAA – Личный архив автора. Интервью с Л.А. Хаимзон (24.01.2021); с Ю. Векслером (10.03.2021).

Литература

Векслер 2020 – *Векслер Ю.* Пазл Горенштейна. Памятник неизвестному писателю. М.: Захаров, 2020. 368 с.

Виноградов 1980 – *Виноградов В.* О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

Выготский 1934 – *Выготский Л.* Мышление и речь: Психологические исследования. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. 324 с.

Горенштейн 1991 – *Горенштейн Ф.* Избранные произведения. В 3 т. Т. 1: Место: Политический роман из жизни одного молодого человека. М.: СП «Слово», 1991. 848 с.

Горенштейн 2007 – *Горенштейн Ф.* Бердичев: Избранное. М.: Текст, 2007. 318 с.

Дымшиц 2019 – *Дымшиц В.* Хрен-трава и другие статьи о еврейской литературе. СПб., 2019. 272 с. (Приложение к журналу «Народ Книги в мире книг». Вып. 3).

Ковальска-Пашт 2013 – *Ковальска-Пашт И.* Самосознание советских евреев в художественной интерпретации Фридриха Горенштейна // *Politeja*. 2013. No. 26. С. 573–586. <https://doi.org/10.12797/Politeja.10.2013.26.30>.

Лазарев 2008 – *Лазарев Л.* «Теперь мои книги возвращаются...» // *Знамя*. 2008. № 4. <https://znamlit.ru/publication.php?id=3556> (дата обращения: 25.09.2021).

Максимов 1996 – *Максимов М.* Немцы читают мои книги как свою литературу / [Интервью с Ф.Н. Горенштейном] // *Смена*. 1996. 19 апреля. С. 2.

Роскис 2010 – *Роскис Д.Г.* Мост желания: Утраченное искусство идишского рассказа / Пер. с англ. Л. Черниной. М.: Текст: Книжкини, 2010. 684 с.

Френкель 2012 – *Френкель А.* Русский писатель Шолом-Алейхем // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 2 (114). С. 151–177. <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/russkij-pisatel-sholom-alejhem.html>.

Шолом-Алейхем 1960 – *Шолом-Алейхем.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1960. 622 с.

Шубинский 2002 – *Шубинский В.* Мессианский вирус. Фридрих Горенштейн, Россия и еврейство: попытка введения в тему // На-

род Книги в мире книг. 2002. № 38. С. 8–11. http://narodknigi.ru/journals/38/messianskiy_virus.

Эйхенбаум 1969 – *Эйхенбаум Б.* О прозе: Сборник статей. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1969. 503 с.

Miron 2000 – *Miron D.* The Image of the Shtetl and Other Studies of Modern Jewish Literary Imagination. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2000. 412 p.

Roskies 2014 – *Roskies D. G.* Call It Jewspeak: On the Evolution of Speech in Modern Yiddish Writing // *Poetics Today*. 2014. Vol. 35. No 3. P. 225–301. <https://doi.org/10.1215/03335372-2803518>.

Safran 2012 – *Safran G.* Four English Pots and Aleichem's Evolving Translatability // *Translating Sholem Aleichem: History, Politics, and Art* / eds. G. Estraiikh, J. Flnkin, K. Hoge, M. Krutikov. London: Routledge, 2012. P.113-134. <https://doi.org/10.4324/9781315084626>.

The Voting Rights: Feminine Speech Patterns in the Prose of Friedrich Gorenstein and Sholem Aleichem

Elena Sidorova

HSE University
Saint-Petersburg, Russia

MA student
ORCID ID: 0000-0002-0857-4071
The Department of Philology
HSE University
Russia, 190069, St. Petersburg, 121 Nab. Kanala Griboedova
Tel.: + 7 (812) 644-59-11
E-mail: evsidorova_4@edu.hse.ru

DOI: 10.31168/2658-3380.2021.21.2.3

Abstract: The article explores the features of feminine speech patterns in Friedrich Gorenstein's play «Berdichev». Gorenstein was one of the few writers of the late 20th century who was interested in the Jewish culture and its language. His play «Berdichev» excels in uniting Russian and Yiddish languages. The drama is built on the author's experience and is full of photography-like details. However, under the autobiographical layer, one can find Gorenstein's dialogue with the writers who were important to him. This constant referencing was his literary strategy. What is more, it was essential for Gorenstein to emphasize his Jewish identity. He was

able to do it because of Sholem Aleichem. A classic became Gorenstein's source of knowledge about Jewish life, its language, and habitats. That is why «Berdichev» has a lot of parallels with Sholem Aleichem's novels. Gorenstein's linguistic construction of monologues, type of characters, and even structure of the play are similar to Sholem Aleichem.

Keywords: *Friedrich Gorenstein, Sholem Aleichem, speech patterns, intertextuality, Berdichev*

References

Dymshits, V., 2019, *Khren-trava i drugie stat'i o evreiskoi literature* [Horseradish Herb and Other Articles on Jewish Literature]. St. Petersburg, 272.

Eikhenbaum, B., 1969, *O proze* [On Prose]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura. Leningradskoe otdelenie, 503.

Frenkel', A., 2012, Russkii pisatel' Sholom-Aleikhem [Russian writer Sholem Aleichem]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, 151–177. <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/russkij-pisatel-sholom-alejhem.html>.

Kowalska-Paszt, I., 2013, Samosoznanie sovetskikh evreev v khudozhestvennoi interpretatsii Fridrikha Gorenshteina [Self-awareness of Soviet Jews in the artistic interpretation of Friedrich Gorenstein]. *Politeja*, 26, 573–586. <https://doi.org/10.12797/Politeja.10.2013.26.30>.

Miron, D., 2000, *The Image of the Shtetl and Other Studies of Modern Jewish Literary Imagination*. Syracuse, NY, Syracuse University Press, 412.

Roskies, D. G., 2010, *Most zhelaniia: Ultrachennoe iskusstvo idishskogo rasskaza* [The Bridge of Desire: The Lost Art of Yiddish Storytelling]. Transl. by L. Chernina. Moscow, Tekst: Knizhniki, 684.

Roskies, D. G., 2014, Call It JewSpeak: On the Evolution of Speech in Modern Yiddish Writing. *Poetics Today*, 35, 3, 225–301. <https://doi.org/10.1215/03335372-2803518>.

Safran, G., 2012, Four English Pots and Aleichem's Evolving Translatability. *Translating Sholem Aleichem: History, Politics, and Art*, eds. G. Estraikh, J. Flnkin, K. Hoge, M. Krutikov. London: Routledge, 113–134. <https://doi.org/10.4324/9781315084626>.

Vinogradov, V., 1980, *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of fiction]. Moscow, Nauka, 360.

Vygotskii, L., 1934, *Myshlenie i rech': Psikhologicheskie issledovaniia* [Thinking and speech: Psychological investigations]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz, 324.